

Пожарская К.А.

Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

**Этнические группы в переселенческом движении на Алтай
времен реализации столыпинской переселенческой политики:
проблемы сохранения этнокультурной идентичности и
социокультурной адаптации**

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные элементы этнокультурной идентичности сохраняемые и поддерживаемые различными группами мигрантов в период реализации столыпинской переселенческой политики на Алтае. Затрагивается вопрос о содержании процесса социокультурной адаптации крестьян-переселенцев в иноэтнической среде.*

***Ключевые слова:** этнокультурная идентичность, переселенцы, старожилы, хозяйственно-бытовой обмен.*

Алтайский округ ведомства Кабинет Его Императорского Величества (далее – Алтай) стал доступен для переселений крестьян из Европейской части страны еще в 1865 г., но по-настоящему беспрецедентным по количественным показателям, этническому составу и географии выхода участников явилось движение земледельцев времен реализации в Российской империи Столыпинской переселенческой политики. Осваивая территорию Зауралья в начале XX в., крестьяне-переселенцы из центральных губерний страны заселяли не безлюдные и абсолютно свободные пространства, а районы проживания старожильского и инородческого населения, мигрантов предыдущих десятилетий. Важно отметить, что крестьяне, переселившиеся еще в 1880-х гг., т.е. прожившие в Сибири 20 и более лет, к 1906 г. уже считались сибирскими старожилами [Андусев 2001, 21]. В свою очередь, в переселенческой массе были представлены не только выходцы из различных губерний России («курщина», «тамбовщина», «рязанщина» и т.д.), но и этнические (прибалты, немцы, украинцы), конфессиональные (католики, протестанты, баптисты) группы населения. Этнические и конфессиональные признаки часто переплетались между собой (так, немецкие мигранты по вероисповеданию являлись меннонитами, баптистами, католиками, лютеранами), что в условиях иноязычного, иноконфессионального окружения, сельского локального образа жизни, а также под

воздействием религиозных норм (эндогамия и пр.) приводило к складыванию этноконфессиональных групп. Например, одной из таких этноконфессиональных групп являлась крупнейшая из немецких общин Алтая – община меннонитов (по подсчетам исследователей она включала более 40 % всех немецких колонистов) [Шлейхер 1992, 42].

Сама ситуация миграции на новую территорию актуализировала для новоприбывших целый комплекс адаптационных проблем, выражавшихся, кроме прочего, в необходимости «освоения» нового социального окружения. В начале XX столетия данный процесс в регионе оказался существенно осложнен конфликтами из-за земли. Суть его заключалась в земельном утеснении местного населения («Видно мы утпахали – кто где хошь!» [Алтайский крестьянин 1913, 3], «когда бывало пахарь пахаря не видит» [Нассонова 1914, 659]), явившимся следствием увеличения и уплотнения населения в результате миграций, что требовало внесения изменений в систему землепользования сибирских крестьян и ее развития по пути интенсификации производства. Потому довольно скоро новоселы стали восприниматься «аборигенами» как опасные конкуренты: «стеснили лапотяне», «заразу разносят самоходы-лапотники» [Залесский 1893, 110]. Даже в фрагментарно и малозаселенной к началу XX в. Кулундинской степи фиксировались случаи поголовного ухода сибиряков на новые места [Нассонова 1914, 658].

Уже при первых контактах старожилов и переселенцев в первую очередь обращали на себя внимание различия в языке и одежде. Старожилы нередко говорили, что «их (российских) бывало не поймешь, че говорят» [Бардина 1995, 19], что речь их странная [Жизнь Алтая 1912, 3]. В свою очередь, в среде новоселов наблюдалось стремление к сохранению языковой обособленности. В частности, украинские переселенцы во всех сферах общения использовали родной язык, и первое поколение переселенцев из украинских губерний России еще не было двуязычным [Фомин, Щербакова, Ан 2001, 8]. А на страницах газеты «Жизнь Алтая» воспроизводился рассказ книгоноши, который продал «...за раз 40 штук “Кобзарей”... как узнали, что книжки на ихнем языке...» [Жизнь Алтая 1914, 3]. Вероятно, язык являл собой простейший и наиболее доступный инструмент поддержания памяти о совсем недавней родине, сохранения связи с предками. Схожая тенденция фиксировалась применительно к третьей (по количеству участников) национальной общности мигрантов периода Столыпинской реформы – немцев [Разгон, Храмков, Пожарская 2013, 211]. Различные группы немецкого населения Алтайского округа придерживались общения на диалектах родного языка. В частности,

иноязычное окружение, большая дистанция от других диалектов способствовали консервации языка меннонитов – «платтдойч», имевшего значительные фонетические, лексические и грамматические отличия от литературного немецкого языка, диалектов средненемецкого языка (язык поволжских немцев) [Смирнова 2005, 58]. В ряде случаев создавалась даже новая языковая ситуация, когда носители различных немецких диалектов общались с друг другом на русском языке, что соответственно сужало сферу действия диалекта до внутрисемейного общения [Коровушкин 2003, 195]. Поддержанию коммуникации на родном языке способствовал сам алгоритм миграций, который заключался в переселении группами семей, партиями родственников и односельчан, жителей определенной волости или уезда. В связи с этим, в большинстве населенных пунктов Алтая возникли родственные или земляческие группы («кусты», «концы», «края»), и нередкой являлась практика перенесения названий родных мест на вновь образованные поселения. Так, созвучными с топонимикой мест прежнего жительства крестьян-переселенцев явились названия сел и поселков: Екатеринославский, Курский, Харьковка, Эстлань, Новокиевский, Мариуполь, Новополтавский и пр. [Дмитриева 2002, 24–26; Разгон, Пожарская 2007, 72–75].

В тоже время бытовые контакты переселенцев с «коренным» населением не могли не отразиться в языке. Известный российский ученый Н.П. Огановский отмечал, что под влиянием русскоязычных переселенцев произошли некоторые изменения в русском языке, например, крестьяне-старожилы северных поселков Алтая, стали произносить вместо «ш» – «ж» или «з»: «Узе наси присли», а инородцы Кузнецкого, Бийского уездов в результате этого влияния стали говорить на испорченном русском языке [Огановский 1922, 23]. В целом, языковые различия не являлись непреодолимым препятствием для развития коммуникации внутри сложносоставного сельского общества. В частности, член Государственной Думы А.Л. Трегубов после поездки в Кулундинскую степь в 1913 г. зафиксировал характеристику русскоязычными местными жителями меннонитов как «весьма общительных» [Трегубов 1913, 29].

В качестве еще одного аспекта сохранения этнической идентичности выступал перенос на алтайскую почву национальных традиций домообозаводства (строительных техник, бытовой планировки, элементов двора и др.). В частности, современники отмечали национальную специфику селений немцев, имевших линейную застройку. При этом, немецкие-колонисты из украинских губерний строили дома вытянутой прямоугольной формы, обращенные к улице

узким фасадом. Вход в такие дома находился на длинной боковой стороне. Часть хозяйственных построек возводились параллельно дому. А немецкие мигранты с Поволжья располагали свои дома на улице длинной стороной. Вход в них находился со стороны противоположной улице, а хозяйственные постройки и дом образовывали каре [Коровушкин, Лоткин, Смирнова 2003, 115]. Стремление объединить жилье и хозяйственные постройки (амбары, конюшня, колодцы) обуславливалось необходимостью сделать их легкодоступными в непогоду [Нагнибеда 1917, 152]. Немецкие поселки, в целом, отличали чистота и порядок: дворы и улицы подметались, а в засушливое время поливались. Нередко в селениях функционировал специальный институт санитарных попечителей. Размещение домов в глубине дворов позволяло разбивать сады и палисадники. В.Я. Нагнибеда писал, что по наполняющему воздух аромату цветов (табак, петунья, гвоздика, левкой) даже темной ночью угадывался немецкий поселок [Нагнибеда 1913, 185]. Внешний вид домов являлся своеобразным маркером немецких поселений: снаружи их окрашивали яркими масляными красками, а фасад, заборы и калитки украшали орнаментом из цветов и птиц [Коровушкин 2004, 22].

Поселения украинцев имели, как правило, уличную застройку относительно регулярных форм. Дома малороссийские переселенцы размещали вдоль улицы с обязательным устройством палисадника перед ними [Коровушкин 2004, 26]. Проживавшие в Кулундинской степи мигранты-малоросы, стремясь сохранить традицию побелки хат, научились добывать по берегам соленых озер белый мергель (осадочная горная порода), называемый в народе «белой глиной» [Миротворцев 1911, 14]. В.Я. Нагнибеда при описании украинских поселений Кулундинской степи писал, что в редких случаях малороссийские крестьяне пытаются скрасить однообразие ландшафта садами. Серо-желтые пластаные и саманные постройки украинцев, иногда беленые, с плоскими крышами и маленькими окнами он уподоблял крепостным казематам [Нагнибеда 1913, 185]. Дворы украинских переселенцев имели Г-образную (иногда П-образную) форму, открытую к огородам [Коровушкин 2004, 27].

Наряду с национальными особенностями организации жилищного комплекса Ф.К. Кокен указывал на различия в жилых постройках переселенцев из различных частей России [Шелегина 2002, 77]. На это обращал внимание и Г.Ф. Чиркин, в общих чертах отмечавший, что: «...дом орловца не похож на жилье херсонца или полтавца. Харьковцы малюют ставни своих мазанок “по-своему”, держась принятых на родине рисунков и красок, а екатеринославцы, перенявшие у немецких

колонистов тип их длинных домов с узковатыми окнами и характерными переплетами оконных рам, точно воспроизводят их в Азии» [Чиркин 1922, 104].

По мнению профессора С.И. Залесского, конфигурация жилого комплекса новоселов, заселявших Алтайский округ, являлась более рациональной по сравнению со старожилами, поскольку у реки или запруд переселенцы располагали огороды, жилые помещения, а в отдалении хозяйственные постройки (конюшни, хлева, скотные дворы). В то время как старожилы хозяйственные постройки возводили возле источников проточных вод, куда осуществлялся сток навоза. В некоторых сибирских деревнях запруды и речки служили выгребными ямами для слива всевозможных нечистот, что порождало неоднократные ходатайства жителей о переносе деревень в новые места по причине «сильного унавожения» поселения [Залесский 1893, 117]. Еще в конце XIX в. Г.И. Танфильев, исследовавший Барабу и Кулундинскую степь, обратил внимание на пренебрежительное отношение сибирского населения к жесткой колодезной воде и предпочтительное потребление для хозяйственных нужд речной, прудовой или озерной воды. Откровенное удивление ученого и путешественника вызвал характер эксплуатации крестьянами ограниченных водных ресурсов, которые загрязнялись навозом и бытовыми отходами [Танфильев 1902, 136].

В обозначенный период менее заметны были изменения в системе питания русских мигрантов (включение в рацион продуктов местной флоры – черемша, лук-батун, ревень и т.д., увеличение потребления мяса), поскольку уже к середине XIX в. в Сибири (за исключением северных районов) полностью восстановилась традиционная русская культура питания с привычным соотношением растительной и животной пищи. Ограниченный набор выращиваемых в Алтайском округе огородных культур – горох, лук, морковь, свекла, брюква, редька и т.д. – значительно расширили переселенцы-украинцы, занимавшиеся акклиматизацией огородных и садовых культур (бахчевые, картофель, цветная капуста, бобовые, фрукты и т.д.) с целью введения в рацион привычных продуктов питания [Нагнибеда 1913, 173]. По данным В.Я. Нагнибеды лишь 7% переселенческих хозяйств, основанные в Кулундинской степи, не имели огородов, остальные же хозяйства выделяли под него до 3/5 усадебной земли [Нагнибеда 1917, 159]. В то же время активное заимствование у старожилов приемов пчеловодства «познакомило» украинцев Алтая с новым лакомством – медом. Примером адаптирования одного из элементов питания, национального напитка, служит приготовление немецкими-колонистами кофе из

заменителей – молотого цикория, жареных зерен ячменя или пшеницы [Смирнова 2003, 50].

Наиболее устойчивыми составляющими национальных систем питания являлись виды пищи, способы их приготовления и пищевой режим. Тем не менее, нельзя не отметить, что на начальных этапах обустройства переселенцев различной этнической принадлежности, структура питания менялась под влиянием факторов экономической конъюнктуры. Так, в первые годы проживания в Сибири баланс питания крестьян нарушался в сторону увеличения потребления хлеба при уменьшении растительной и мясной пищи [Нагнибеда 1913, 178]. Лишь по прошествии некоторого времени восстанавливалось оптимальное соотношение молочных, мясных и растительных продуктов в структуре питания. В целом в начале XX в. питание крестьян-мигрантов было неодинаковым, что объясняется этнической, религиозной, социальной неоднородностью пришлого населения округа.

Более медленное сближение переселенцев и старожилов в культурной сфере, образе жизни не препятствовали взаимовыгодному обмену хозяйственным опытом. Прагматические цели старожилов и переселенцев достигались в результате знакомства с агротехническими приемами друг друга, обмена технологическим опытом. Усваивая у старожилов приемы ведения земледельческого хозяйства, сообразные условиям сибирского климата, переселенцы, в свою очередь, демонстрировали старожилам способы интенсификации крестьянского труда, например, путем внедрения в производство более усовершенствованных сельскохозяйственных орудий (сакковские плуги, рядовые сеялки, жнейки, косилки и конные грабли и др.). До массового миграционного движения начала XX в. из центральной части России старики-староверы считали за грех работать на машинах, с приходом же переселенцев прежние «протестанты» начинали активно применять машинный труд в своих хозяйствах [Нассонова 1914, 697]. В газете «Жизнь Алтая» сообщалось: «... как ни консервативен старожил-сибиряк, как ни крепка его вера в авторитет «дедов», – все же смотришь, весной и он ходит за плугом новой конструкции, или осенью молотит хлеб не традиционным цепом, а эльвортовской молотилкой» [Жизнь Алтая 1914, 3]. В.Я. Нагнибеда прямо указывал, что в Кулундинской степи плуг вытеснил соху, жнейка – серп, а литовку – косилка и конные грабли [Нагнибеда 1917, 152]. Кроме того, взаимовыгодность выступила в качестве важного обстоятельства в урегулировании отношений пришлых с инородческим населением алтайских степей. Так, способ сохранения воды в «карлыках» (специальных сооружениях для хранения снега) крестьянам-переселенцам продемонстрировало

«коренное» население степей, в свою очередь, казахские земледельцы перенимали у немецких переселенцев приемы обмолота хлеба, позволявшие существенно экономить время («выиграть целую осень») [Итоги статистического обследования Бельгагачской степи Змеиногорского уезда Томской губернии 1909, 16, 20].

Таким образом, участниками миграционного движения начала XXв. явились представители различных этно-конфессиональных групп, процесс адаптации которых на новой родине приобрел двунаправленный характер. С одной стороны, крестьяне-переселенцы демонстрировали устойчивое стремление сохранить элементы традиционной культуры (язык, конфигурацию и внешний вид жилых и хозяйственных построек, виды пищи). Их поддержанию способствовало создание территориально-областных общностей мигрантов, что несколько нивелировало стрессовые условия первых лет обустройства на новой родине. В тоже время слабое знание новоприбывшими естественной конъюнктуры Алтайского региона, его ресурсного потенциала (лесопокрытость, гидрография, почвенные режимы и т.д.) требовали открытости к установлению контактов с коренным населением, активного информационного обмена переселенцев с «аборигенами», готовности на рациональных основаниях перенимать элементы культуры «сибиряков».

Литература

- Алтайский крестьянин. 1913. № 18. 11 мая.
- Андюсов Б.Е. Субэтнос сибирских старожилов и особенности субэтнического характера (к постановке проблемы) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: матер. междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2001. Вып. 4. С. 20–22.
- Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995. 222 с.
- Дмитриева Л.Д. Ойконимический словарь Ключевского района // Ключевской район: история и современность. Барнаул, 2002. С. 24–26.
- Жизнь Алтая. 1912. № 201. 8 сентября.
- Жизнь Алтая. 1914. № 213. 13 ноября.
- Жизнь Алтая. 1914. № 44. 25 февраля.
- Залесский С.И. Исследование пригодности некоторых маловодных местностей Барнаульского и Каинского округа к заселению переселенцами из Европейской России. Отчет о командировке, состоявшейся летом 1893 г., по предложению Господина Томского губернатора. Томск, 1893. 135 с.

Итоги статистического обследования Бельгагачской степи Змеиногорского уезда Томской губернии. Барнаул, 1909. 142 с.

Коровушкин Д.Г., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири (формирование и этнокультурная адаптация). Новосибирск, 2003. 272 с.

Коровушкин Д.Г. Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири: автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 41 с.

Миротворцев К.Н. Соленые озера и соляной промысел в Алтайском округе. Отчет чиновника особых поручений, к.е.н. К.Н. Миротворцева о поездке летом 1911 г. для обследования соленых озер Алтайского округа. Барнаул, 1911. 88 с.

Нагнибеда В.Я. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский, Мариинский Вып. 1–2. Томск, 1913. 281 с.

Нагнибеда В.Я. Кулундинская степь Барнаульского уезда и культурно-экономический центр ее – село Славгородское // Труды Западно-Сибирского общества сельского хозяйства за 1913, 1914 и 1915 гг. Кн. IV. Томск, 1917. С. 146–188.

Нассонова А. Прошлое и настоящее Кулундинской степи // Сибирское сельское хозяйство. 1914. № 21. С. 657–659.

Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Эпизодический курс лекций, прочитанных на кооперативных курсах для служащих и работников кооперативных организаций г. Омска, февраль – март 1920 г. Омск, 1921. 152 с.

Разгон В.Н., Пожарская К.А. Заселение и хозяйственное освоение территории Кулундинского района в начале XX в. // Кулундинский район: страницы истории и современность. Барнаул, 2007. С. 63–75.

Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация: монография. Барнаул, 2013. 348 с.

Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. Новосибирск, 2003. 88 с.

Смирнова Т.Б. Сравнительная характеристика групп немецкого населения Алтайского края и Омской области // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2005. Вып. 5. С. 57–59.

Танфильев Г.И. Бараба и Кулундинская степь в пределах Алтайского округа. СПб, 1902. 261 с.

Трегубов А.Л. «По новым местам»: Переселение в Сибирь в 1913 г., впечатления и заметки по поездке в заселяемые районы Сибири члена Государственной Думы А.Л. Трегубова. СПб, 1913. 49 с.

Фомин В.Е., Щербакова О.С., Ан А.С. К проблеме изучения украинской этнокультуры Алтая // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: БГПУ, 2001. Вып. 4. С. 176–186.

Чиркин Г.Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX – начала XX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. Петроград, 1922. С. 83–136.

Шелегина О.Н. Ф.К. Кокен о проблемах миграций и адаптаций крестьянского населения в Западной Сибири в XIX в. // Русские старожилы и переселенцы в историко-этнографических исследованиях. Новосибирск, 2002. С. 71–82.

Шлейхер И.И. Пособие по истории российских немцев. Вторая половина XVIII–начало XX вв. Барнаул, 1992. 115 с.

K.A. Pozharskaya
Altay State University

**Ethnic Groups in the Resettlement Movement in the Altai Since
the Implementation of the Stolypin Resettlement Policy:
Problems of Preserving Ethno-Cultural Identity
and Socio-Cultural Adaptation**

Abstract. *The article examines the main elements of ethno-cultural identity preserved and supported by various groups of migrants during the implementation of the Stolypin resettlement policy in Altai. The issue of socio-cultural adaptation of migrant peasants in a different ethnic environment was also considered in this article.*

Keywords: *ethnocultural identity, immigrants, old-timers, household exchange.*